

316.48

ТРУФАНОВ Глеб Алексеевич – магистрант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5; byuanovivan@yandex.ru)

ВИННИКОВА Ирина Игоревна – магистрант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5; eirenewinnie@gmail.com)

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ ДИСКУРСИВНЫХ МЕДИАПРАКТИК В КОНТЕКСТЕ РИСК-РЕФЛЕКСИИ

Аннотация. В контексте неизменной актуальности конфликтогенности современных медиа необходимо рассмотреть роль использования информационного продукта в конфликте как неотъемлемого инструмента реализации воздействия на общественные и политические процессы, институты общества на государственном и международном уровне. Авторы предприняли попытку ответа на вопрос о роли дискурсивных практик СМИ в конфликте в контексте манипуляции и генерирования дискурса вражды. В условиях медиасферы становится актуальной проблема роли СМИ в разжигании вражды, искусственной модуляции конфликта, формировании образа «чужого», формировании деструктивной риск-рефлексии касательно угроз, вызывающих беспокойство у граждан. Новизна данной работы заключается в осмыслении аспекта конфликтогенности дискурсивных практик в медиа посредством критического исследования заключается в выделении и классификации основных стратегий манипуляции дискурсом в медиасфере. Авторы считают, что делиберативный компонент позволит канализировать противоречия, протестные настроения, тем самым предоставляя государству возможность выступить актором в урегулировании конфликта.

Ключевые слова: конфликт, противоречия, урегулирование, антагонизм, группы интересов, дискурс, риск, риск-рефлексия, медиасфера

Дискурс вражды, а именно с определения этого понятия следует начать рассмотрение проблемы конфликтогенности дискурсивных практик в СМИ, является особым типом коммуникативного отношения, посредством которого и в процессе которого отдельные индивиды или группы находятся в состоянии долговременного и целенаправленного антагонистического противостояния с последующим разрушительным, деструктивным результатом. Наиболее важным здесь, по мнению Ван Дейка, является контекстуальное представление действительности во времени протекания акта коммуникации. Во-вторых, дискурс может быть текстом устным или письменно изложенным. В данном случае дискурс выступает в роли заверченного или продолжающегося продукта коммуникации [Темнова 2004]. Как результат, он может быть интерпретирован реципиентами, может принимать коннотации определенной социальной среды, быть диверсифицированным той особой социальной реальностью, к которой принадлежат реципиенты. Что же в таком случае представляет собой дискурсивная практика СМИ? Практика представляет собой осознанную предметную и чувственную (материальную) деятельность индивида по преобразованию объектов материального мира (т.е. природных, социальных моментов и самих людей). Общественная практика есть совокупная деятельность

человечества, опыт всего человечества, взятый в его историческом развитии¹. Дискурсивная практика СМИ состоит в процессах воспроизводства, восприятия и интерпретирования медиатекстов (контент). Таким образом, дискурс является категорией, воспроизводимой и потребляемой самим человеком и обществом. К.К. Фурсов отмечал, что процессы построения дискурсивных практик враждебности всегда соотносятся с политическим и социальным контекстами [Фурсов 2015].

Одним из ключевых моментов в исследовании медиадискурса является изучение манипулятивных практик, посредством которых достигается основная стратегическая цель и инструментом достижения которых выступают СМИ, как опосредующая медиальная структура [Савчук 2012: 36, 72]. В качестве стратегии выступает связь двух компонентов-целей, на достижение которой направлены усилия субъекта, признаваемые субъектом как эффективные и действенные технологии и средства для получения результата-цели.

Использование средств массовой коммуникации подразумевает выбор и постановку коммуникативной цели. По мнению И.М. Дзялошинского и М.И. Дзялошинской, под коммуникативной целью подразумевается специфический результат приведения в действие стратегии, на который направлен коммуникативный акт [Дзялошинский, Дзялошинская 2019]. Объявление импичмента, вотума недоверия, резкая и негативная критика, заклеивание предателей – это основные составляющие коммуникативного поведения, направленные на реализацию того или иного коммуникативного намерения. Иными словами, данное намерение являет собой стремление к осуществлению действия посредством коммуникативного акта или через него. Основным моментом манипуляции в СМИ является неполнота коммуникативного акта, его одностороннее воздействие. Манипулятор всегда скрывает свои намерения, поэтому сама манипуляция выглядит скорее как реконструированная и вольно истолкованная концепция тех или иных действий манипулятора, исполненных объектом манипуляции. В психологической традиции под манипуляцией понимается особый вид психологического воздействия, исполнение которого приводит к скрытому возникновению у другого человека интенций, расогласованных с его истинными потребностями [Доценко 1997]. Как отмечает И.В. Савельева, в лингвистической традиции отдельно выделяют понятие речевой манипуляции как особый вид взаимодействия индивидов или групп, посредством которого манипулирующий сознательно предпринимает попытки осуществления контроля над поведением объекта манипуляции в своих целях, тем самым корректируя поведение объекта, приводя его в соответствие со своими целями и задачами. В речевом манипулировании характерно целенаправленное использование речевых и образных средств языка для достижения поставленных целей и задач [Савельева 2015]. Процесс манипуляции характеризуется неосознанностью манипулируемым всей полноты ситуации. Медиафера транслирует реципиентам информацию с разной целевой направленностью, коммуникативный акт манипуляционного характера совершается повсеместно и скрытно, что диктуется его тотальной природой и рассмотрением реципиентов медиадискурса как средства, а не как цели. В качестве предмета усматривается совокупность политических и экономических выгод, получаемых посредством формирования у аудитории-реципиента особого психологического состояния, удобного для манипулятора типа восприятия действительности вкупе с набором навязанных потребностей и инте-

¹ Глоссарий философских терминов проекта «Distance». Доступ: <https://terme.ru/slovari/glossarii-filosofskih-terminov-proekta-distance.html> (проверено 10.01.2022).

ресов. В данном отношении можно сделать вывод, что факт речевой манипуляции является неизбежным и рутинизированным и имеет своим результатом скрытое влияние на человека с целью изменения его эмоционального и психологического состояния.

Здесь встает вопрос о роли манипулятивных техник в современном медиапотокe, а также его роли в возникновении, протекании, урегулировании конфликта. основополагающими структурными элементами процесса манипуляции в сфере СМИ выступают определенное средство массовой коммуникации как манипулятор и аудитория-реципиент как объект манипулятивного действия. объектом манипуляции являются сознание индивида, его мировоззрение, ценностные установки и поведение, которые подлежат коррекции с позиции манипулятора. Предметом же выступает совокупность разного рода выгод, получаемых в результате изменения мировоззрения индивида и его ценностных установок. Данный процесс задействует речевые и символические средства для артикуляции интереса бенефициара посредством конкретного СМИ или их совокупности. особое внимание надо отвести реципиенту информационного сообщения – аудитории, которая является непосредственным получателем-адресатом дискурса. Под дискурсом в данном случае понимается заверченный или продолжающийся, письменный или речевой результат коммуникативного действия, который интерпретируется реципиентами.

Реципиенту в данном случае отводится особая роль. По мнению некоторых исследователей, придерживающихся концепции медиаучастия в распространении информации, роль реципиента рассматривается как некогерентная, конструирующая. Реципиент включен не только в процесс дальнейшего формирования повестки и конструирования содержания [Каминченко 2014]. С другой стороны, большинство современных исследователей убеждены, что интеракция между СМИ и аудиторией построена на платформе монолога. Редакционный совет принимает решения касательно того, какая информация релевантна и попадет в повестку. Таким образом, реципиент исключается из процесса распространения информации на этапе генерации информационного сообщения, его интересы вторичны. Такой способ ограничивает доступ граждан к средствам массовой информации, делая их пассивными наблюдателями [Володченко 2008].

Г.В. Лукьянова предлагает определение аудитории через определение предпочтения источника получения информации: кто-то выбирает прессу, кто-то – телевидение [Лукьянова 2010]. Природа медиасферы динамична, постоянно изменяется, готова ответить на вызовы действительности. Однако, как отмечает Е.П. Соколова, характерной чертой российской политики и общества в целом является отсутствие интеграции среди участников процесса [Соколова 2010]. одной из причин подобного явления выступает отсутствие коммуникационной системы такого уровня, который позволил бы создать диалоговое пространство для организации системы обратной связи между гражданами и властью. Необходимость социальной и политической консолидации ставит проблему методов и технологий такой консолидации.

Первым вариантом выступает создание и внедрение в массы концепции национальной идеи. Ее основная направленность – репрезентация исключительности роли российского народа в контексте исторической перспективы и конкурентной современности. Также требуется поддержать авторитет института лидерства посредством формирования в СМИ и СМК образа деятельного, харизматичного, патриотичного лидера и противопоставить его внешнему коллективному врагу. особенностью репрезентации построения национальной идеи в российских медиа стали речевая агрессия и значительное число

приемов речевой манипуляции и языка вражды. Язык вражды проявляет себя повсеместно. Это жесткая критика политических оппонентов, резкие высказывания о западных политиках, странах, деятелях культуры. Образы, символы ненависти формируют мышление и поведение в конкретном контексте ситуации. Язык вражды возносит простую технику демаркации и противопоставления «они—мы», «свой—чужой» на новый уровень в плане объяснения повестки дня. Дихотомия становится доступной, а простота демонстрируемых противоречий между этносами, крупными акторами экономической сферы и государствами, ухватываемых фрагментарным сознанием частями, становится очевидной, логичной и не требует дальнейших поисков истины.

СМИ имеют значительное влияние на людей в плане психики, сознания, формирования моделей поведения. В условиях информационного общества СМИ выступают не только как информационный ресурс, но и как средство коммуникации, которое призвано обеспечивать эффективное функционирование системы социальных институтов общества. Информационный вакуум, создаваемый практическим отсутствием медиаучастия, выступает в роли пререквизитов для возникновения информационных сообщений, искажающих действительность, дезинтегрирующих, вызывающих искаженное восприятие действительности. Все эти моменты становятся основанием для возникновения и последующей рутинизации конфликтов деструктивного и иррационального характера. Иными словами, восприятие социальными субъектами рисков и угроз и манифестация фрустраций на основе такой риск-рефлексии приобретает характер нереалистических, смещенных, безатрибутивных, фальшивых конфликтов, что, безусловно, может маркироваться как деструктивная практика, не только не позволяющая эффективно решать актуальные для страны проблемы, но и создающая ложные элементы повестки дня.

Ядром построения дискурса вражды в медиасфере является манипуляция. Наиболее простой и распространенной фундаментальной моделью функционирования манипуляции является построение дихотомий-противопоставлений: «враг/друг», «свой/чужой». И.М. Дзялошинский и М.И. Дзялошинская отмечают, что противопоставление «мы—они» является основанием для осуществления культурного различия и утверждения самоидентификации [Дзялошинский, Дзялошинская 2019].

Стратегии формирования дискурса враждебности

1. Наиболее популярным и наиболее удобным языковым методом для осуществления речевой манипуляции является такой подбор речевых и образных средств, который позволяет добиться коммуникативной цели. Использование символических средств (исторические отсылки, сильный лидер и т.п.) делает сообщение понятным и доступным. Также возможно использование фразеологизмов.

2. Значение многих слов несет эмоциональную составляющую воздействия. Используя многократное повторение негативных конструкторов, таких как падение нравов, страшное преступление, вероломство и т.д., медиаактор создает возможность вызова у реципиента негативной эмоции, направленной на объект критики, осуществляемой медиаактором.

3. Довольно часто эмоциональное давление осуществляется вкупе с воздействием на представления и взгляды индивида на социальные и политические процессы. Создаются фиксированные смысловые связки слов, вызывающие необходимые эмоциональные реакции у объекта манипуляции. В данных речевых структурах происходит установление устойчивых связей между элементами политической или социальной реальности в рамках системы оппозиции

«свой/чужой». Агрессия по отношению к нам — «оказание поддержки оппозиции», вероломные зверства — «устранение оппозицией своих противников», миротворчество — «ввод наших войск», интервенция и нарушение суверенитета — «приглашение иностранных военных советников».

4. Особую роль в осуществлении конструкта «свой/чужой» играет использование ресурса жаргонных конструкций. Данная технология вкупе с подбором обращения к аудитории играет ключевую роль в формировании отношений с аудиторией. Жаргон и обращения («джентльмен», «товарищ», «брат» и т.п.) являются инструментами привлечения внимания аудитории и завоевания ее расположения. От этих моментов зависит доверие реципиентов, признание конкретного медиаисточника «своим». В основе данного аспекта лежит потребность в самоидентификации с той или иной группой, стремление к обобществлению с ней интересов, получение престижа, ощущение власти.

5. Использование эвфемизмов. Эвфемизм — речевой конструкт, репрезентирующий реальность в лучшем свете, чем она могла бы быть продемонстрирована. Часто данные речевые конструкции продуцируют более позитивную окраску для серьезных или трагичных событий. Например, называя убийство «событием» или просто «трагедией», автор представляет его расплывчато и абстрактно. Эвфемизмы также могут представлять действительность и в худшем свете, например, называя незаконный митинг «беспорядками».

6. Вызов антипатии к группе. Представление курса стороны, к которой необходимо сформировать осуждение в среде широкой общественности, осуществляется посредством конструкций «сторонники таких изменений», «слуги своего западного хозяина» и т.д.

7. Подбор макроструктур. Макроструктура является термином, обозначающим форму и содержание рассказа истории, подходящей для конкретного случая и цели.

8. Перенос индивидуальных черт на группу и наоборот.

Основанием речевой манипуляции, настроенной на формирование враждебного и презрительного отношения к чему-либо, является речевая агрессия. Речевая агрессия может быть включенной в любой тип общения и в любой тип дискурса. В основе речевой агрессии лежит побуждение адресанта к воспроизводству антидиалога. Данный термин обозначает два компонента речевого поведения: выражение отрицательного и эмоционально негативного отношения к чему-либо и субъектно-объектный тип интеракции с собеседником, что отражается в деструктивном речевом поведении. Ненависть, которую транслируют СМИ, зачастую искажая реальность в пользу получения высоких рейтингов, экстраполируется на само общество, агрессия переходит из речевой в физическую. Как отмечает А.В. Алейников, Россия является страной, которая входит в перечень европейских стран с самым низким межличностным консенсусным потенциалом по ряду базовых ценностей [Алейников 2013]. Таким образом, дихотомичность понимания интеракции в логике концепции Карла Шмитта «друг/враг» является преобладающей в общественном дискурсе, персонифицированной и казуализированной. Данный факт подтверждается и тем, что Россия занимает 154-е место на 2019 г. (между ДРК и Пакистаном) в рейтинге миролюбия *Global Peace Index*¹. Также сильным конфликтогенным потенциалом обладают информационные сообщения, повествующие о репрессивной сути ограничительных мер.

¹ Global Peace Index 2019: Measuring Peace in a Complex World. — *Institute for Economics & Peace*. Sydney. URL: <https://www.economicsandpeace.org/report/global-peace-index-2019/> (accessed 10.01.2022).

Выводы

Итак, в данном случае ключевую роль необходимо отвести созданию платформы для реализации делиберативной модели. Такая модель позволит раскрыть и реализовать демократическое, совещательное начало СМИ. Это станет возможным благодаря развитию «новых медиа», базирующихся в социальных сетях и Интернете в целом. Делиберативность СМИ станет акселератором для роста осознанности и рациональности в рамках цивилизованного политического дискурса. СМИ станут особым посредником, диалоговым пространством для репрезентации разных политических предпочтений. Более того, такая посредническая роль выступит дополнительным источником для систематизации общественного мнения и инициатив на свободных началах, которая позволит государству как инструменту социального благополучия получать релевантную информацию о том, какие темы актуальны в общественной среде [Gilmore 2012]. Обсуждение общественно значимых вопросов приведет к кристаллизации интересов и более глубокому пониманию проблем. Так, О.Е. Гудошникова полагает, что формы делиберативной демократии, реализуемые на киберплатформе, могут стать оптимальной платформой для возникновения и реализации механизмов участия граждан в управлении государственными и общественно значимыми делами [Гудошникова 2017]. В контексте управления конфликтом интернет-среда может выступать в качестве платформы для проведения обширных дискуссий, репрезентации позиций разных групп интересов, а также возникновения новых социальных норм, структурирования и диверсификации социального окружения. Интернет, выступая в качестве плюралистического пространства, способствует символическому обмену.

Символы-ценности, представляемые как значимые элементы для социальной группы, несут в себе особый потенциал для того, чтобы стать элементом урегулирования конфликта. Если конфликтующие группы обладают информацией друг о друге, такой как социальная структура, особенности ценностей и т.д., то подобная информация может стать основанием для наиболее полной групповой дискуссии по будущему совместному соглашению. «Новые медиа» имеют значительный потенциал для создания демократичного и интерактивного информационного пространства, которое создаст возможность для артикуляции и трансляции интересов широкого круга групп интересов в рамках многонационального государства, каким является Россия. По мнению С.В. Володенкова, «новые медиа» вносят революционный компонент в современный медиадискурс, т.к. они могут быть определены как медиа участия [Володенков 2017]. Многие западные исследователи медиадискурса отмечают интерактивную, диалогичную и полидискурсивную сущность «новых медиа». Стимуляция пользователей-реципиентов к активным действиям — основная черта «новых медиа» [Schroeder 2018; Vandenabeele 2004; Miller et al. 2016; Doyle 2012]. Наряду с этим существует целый ряд ключевых особенностей феномена «новых медиа» и медиатизации в целом. Одной из них является активизация массовых мобилизационных процессов, связанных с маршрутизацией протестных настроений. Примером раскрытия такого потенциала интернет-платформы выступает феномен онлайн-петиций. Онлайн-петиции характеризуются как особая мобилизационная форма участия граждан в политическом процессе; она выступает, как интерактивный протестный метод и как элемент конструктивного диалога власти и населения.

Список литературы

- Алейников А.В. 2013. Метафизика российской конфликтности: холодная гражданская война или склока. — *Власть*. № 6. С. 25-31.
- Володенков С.В. 2017. Интернет-технологии как инструмент воздействия на современные национальные политические режимы. — *Дискурс-Пи*. № 3-4 (28-29). С. 65-73.
- Володченко О.Н. 2008. Взаимоотношения СМИ и аудитории в современных условиях. — *Ученые записки Таврического федерального университета им. В.И. Вернадского*. Сер. Филология. Социальная коммуникация. Т. 21(60). № 1. С. 28-33.
- Гудошникова О.Е. 2017. «Новые» медиа как технологический базис политического участия. — *PolitBook*. № 3. С. 107-120.
- Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. 2019. *Российские СМИ: как создается образ врага*. Статьи разных лет: монография. Чебоксары: ИД «Среда». 316 с.
- Доценко Е.Л. 1997. *Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита*. М.: ЧеРо; Изд-во МГУ. 344 с.
- Каминченко Д.И. 2014. Социальные медиа и организация флэшмобов: некоторые примеры формирования общественного и политического участия. — *Пространство и Время*. № 3(17). С. 292-298.
- Лукьянова Г.В. 2010. Дискурсивная практика СМИ. — *Вестник СПбГУ*. Сер. 6. Политология. Международные отношения. Вып. 4. С. 147-154.
- Савельева И.В. 2015. Манипулятивность в обыденном политическом дискурсе. — *Вестник Кемеровского государственного университета*. Т. 4. № 4(64). С. 216-220.
- Савчук В.В. 2012. *Медиафилософия. Приступ реальности*. СПб: Изд-во РХГА. 350 с.
- Соколова Е.П. 2010. Агрессивные тенденции в российских СМИ как проявление особенностей политической культуры. — *Вестник СПбГУ*. Сер. 9. Вып. 4. С. 274-280.
- Темнова Е.В. 2004. Современные подходы к изучению дискурса. — *Язык, сознание, коммуникация: сборник статей* (отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов). М.: МАКС Пресс. Вып. 26. С. 24-32.
- Фурсов К.К. 2015. Дискурс вражды: понятие и современные практики. — *Дискурс-Пи*. № 1. С. 25-30.
- Doyle J. 2012. New Media and Democratisation. — *Irish Studies in International Affairs*. Vol. 23. P. 1-4.
- Gilmore E. 2012. Democratisation and New Media. — *Irish Studies in International Affairs*. Vol. 23. P. 5-12.
- Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., Nicolescu R., Sinanan J., Wang X. 2016. What Is Social Media? — *How the World Changed Social Media*. London: UCL Press. P. 1-8.
- Schroeder R. 2018. Media Systems, Digital Media and Politics. — *Social Theory after the Internet: Media, Technology, and Globalization*. London: UCL Press. P. 28-59.
- Vandenabeele B. 2004. «New» Media, Art, and Intercultural Communication. — *Journal of Aesthetic Education*. Vol. 38. Is. 4. P. 1-9.

TRUFANOV Gleb Alekseevich, Master Student of the Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University (5 Mendeleevskaya Line, St. Petersburg, Russia, 199034; buyanovivan@yandex.ru)

VINNIKOVA Irina Igorevna, Master Student of the Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University (5 Mendeleevskaya Line, St. Petersburg, Russia, 199034; eirenwinnie@gmail.com)

CONFLICT NATURE OF DISCOURSE MEDIA PRACTICES IN THE CONTEXT OF THE RISK-REFLECTION

Abstract. *In the context of the constant relevance of the conflict potential of modern media, it is necessary to consider the role of using an information product in a conflict as an integral tool for implementing impact on social and political processes, institutions of society at the state and international level. The authors attempt to answer the question about the role of discursive media practices in conflict in the context of manipulation and generation of a discourse of enmity. In the context of the media sphere, the problem of the role of the media in inciting hostility, artificial modulation of the conflict, the formation of the image of an alien, the formation of destructive risk-reflection regarding threats that cause concern among citizens becomes urgent. The novelty of this work lies in the understanding of the aspect of the conflict potential of discourse practices in the media through critical discourse analysis, coupled with conflictological interdisciplinary tools. The significance of the study lies in identifying and classifying the main strategies for manipulating discourse in the media sphere. The deliberative component will allow channeling contradictions, protest moods, thereby providing the state with an opportunity to act in the settlement of the conflict.*

Keywords: *contraries, media, discourse, settlement, interests, antagonism, risk, risk-reflection*
